1-й экз.
СЛУЖАЩИХ

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ *1866* году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ.

БИБЛІОТЕКА
Инстит. І
Инв. № 2009-9

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ІЮЛЬ.

СТРАН.

I. ПРИЗНАНІЕ.—(Записки дѣвушки).—Окончаніе.—**Е. Ганейзера** . . . .
II. ТѢНИ ПРОШЛАГО.—Стихотвореніе.—**К. Арсеньева** 59
III. СМЕРТЬ ПАХОМОВА.—Разсказъ.—**Вл. Кохановскаго** 61
IV. НА ЛѢСНОЙ ОПУШКѢ.—Стихотвореніе.—**Зинаиды Тулубъ** 97
V. СЧАСТЛИВИЦА.—**Н. Сивачева** 98
VI. НА НОВОЙ ДАЧѢ.—Стихотвореніе.—**Г. Вятнина** 109
VII. ВОЗВРАЩЕНІЕ.—Стихотвореніе.—**Г. Вятнина** 110
VIII. ПРОСТОЕ СЕРДЦЕ.—**Петра Нилуса** 111
IX. ФРАНЦІЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.—(Внѣшнія судьбы Франціи въ эпоху Возрожденія. Войны съ Италіей, Испаніей и Англіей).—**М. Ковалевскаго** 123
X. КРИЗИСЪ НА ФЛИТЪ-СТРИТѢ.—**Е. Орлова** . . . .
XI. ДОГМАТИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ НАУЧНЫХЪ РАБОТЪ Э. ГЕККЕЛЯ.—(По поводу 80-лѣтія со дня его рожденія).—**М. Новикова** 186
XII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Павла Зорева** 192
XIII. КЪ ИСТОРІИ РУССКО-ГЕРМАНСКИХЪ ТАМОЖЕННЫХЪ ДОГОВОРОВЪ.—(Договоръ 1894 года).—**И. Иванюкова** 193
XIV. НАТУРАЛИЗМЪ ЧЕХОВА.—**Леонида Гроссмана** 218
XV. НАДЪ ОКОЙ.—Стихотвореніе.—**Ады Чумаченко** 248
XVI. ЧЕЛОВѢКЪ БЕЗЪ ЗАВТРАШНЯГО ДНЯ.—**Бориса Лазаревскаго** . . 249
XVII. БѢЛЫЯ НОЧИ.—Романъ Іоганна Бойера.—Продолженіе—**Перев. З. Журавской** 263
XVIII. ХРОНИКА.—ПРАЗДНИКЪ НАЦІОНАЛЬНАГО САМОПОЗНАНІЯ.—(Письмо изъ Берна).—**А. Дивильковскаго** 309
XIX. СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ ВЪ РЕЛИГІОЗНОМЪ ОТНОШЕНІИ.—**Бѣлоруссова** 334
XX. ПОСЛѢ РАЗГРОМА.—Письмо изъ Болгаріи.—**И. Калины** 349
XXI. ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ.—**Л. Слонимскаго** 360
XXII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ и ВОЛОСТНОЕ ЗЕМСТВО.—**К. Арсеньева** 370
XXIII. КОНФЛИКТЪ ПАЛАТЪ ИЗЪ-ЗА ЗАКОНА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.—**М. Ковалевскаго** 378
XXIV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Изъ воспоминаній Бебеля (August Bebel. Aus meinem Leben. 3 Theile. Stuttgart 1910—1914).—**Б.**—Исторія Древняго Востока. Проф. Б. А. Тураевъ. Часть I.—**А. Т.**—Проф. М. И. Фридманъ. Винная монополія. Т. I. Винная монополія въ иностранныхъ государствахъ.—Проф. У. Ф. Баррэтъ. Загадочныя явленія человѣческой психики. Переводъ съ англійскаго М. В. Райха. Подъ редакціей Н. Д. Виноградова.—**В. В.**—Воспоминанія А. Е. Лабзиной. 1758—1828. Изд. „Огни".—Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Би-

бліотека мемуаровъ, изд. „Огни“.—**Ч. В—скаго**.—Жизнь Ивана. Очерки изъ быта крестьянъ одной изъ черноземныхъ губерній. О. П. Семеновой Тянь-Шанской.—**В. В.**—Проф. Ив. Ивановъ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь.—Личность.—Творчество.—**Ч.—вскаго** . . . 389

XXV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Убійство австрійскаго наслѣдника престола. — Династія Габсбурговъ и ея представители. — Національная борьба и ея послѣдствія въ Босніи.—Антисербскіе погромы.—Политическое значеніе катастрофы.—Французскія дѣла.—Чемберлэнъ †. . . 404

XXVI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Казенно-циркулярная борьба съ народнымъ пьянствомъ.—Восторженное письмо крестьянина.—Пассивность населенія.—Голосъ акцизнаго чиновника.—Анекдоты жизни.—Всеобщее голосованіе вопроса о пьянствѣ.—Побѣда трезваго большинства.—Закрытіе винныхъ лавокъ.—Первые и дальнѣйшіе шаги въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.—Больной клубокъ русской жизни.—**И. Жилкина** . . 417

XXVII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Процессъ адвокатовъ.—Какъ судъ справился съ „трудностями“.—Общественный откликъ.—Проектъ закона объ обществахъ и союзахъ.—Надзаконное ли универсальное начальство.—Альтернатива, предложенная отцамъ нашалившихъ дѣтей.—Трагическая гибель шести солдатъ.—**В. Кузьмина-Караваева** . . . 428

XXVIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 442

XXIX. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 446

XXX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 449

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и за возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село, Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

СЧАСТЛИВИЦА.

1.

На дворѣ послѣднія числа марта. Весна обѣщаетъ быть ранней: ярко свѣтитъ солнце, бѣснуются, словно ошалѣвшіе, воробьи, деревья, выправляясь вѣтками, освобождаются отъ тяжести зимняго снѣга. Холодный, ослѣпительно-бѣлый уборъ земли быстро исчезаетъ. Чернѣютъ проталины, бурѣетъ снѣгъ, осѣдая, бойко бѣгутъ ручьи, и кажется, что въ ихъ шумѣ есть веселый и самоувѣренный лепетъ: «Такъ надо!.. Такъ надо!..»

А если еще больше прислушаться и вглядѣться, то кажется, что это «Такъ надо!..» повторяетъ все: и воробьи, и деревья, и солнце, и воздухъ.

Недаромъ весенняя атмосфера представляется переполненной чѣмъ-то, что заставляетъ такъ сладко прислушиваться.

Въ женской гимназіи, въ V классѣ, уроки идутъ плохо. Во-первыхъ, сегодня послѣдній день, послѣ котораго распустятъ на праздники до 13 апрѣля, во-вторыхъ, за окномъ такое яркое солнце и такой ликующій весенній гулъ, при которомъ какъ-то странно было бы вникать въ школьную мудрость. И гимназистки шалѣютъ не меньше воробьевъ. На урокѣ алгебры, одной изъ наиболѣе отчаянныхъ проказницъ V класса, Клавдіи Юровской, не понравился костюмъ учителя, и она по этому поводу пустила по классу записку.

Въ запискѣ стояло: «У Лукашевича очень узкіе штаны и широкіе рукава. Я хочу ему посовѣтовать небольшую перемѣну: штаны одѣть на руки, а рукава—на ноги».

Лукашевичъ, суровый и желчный человѣкъ, видя, какъ прыскаютъ отъ смѣха гимназистки,—краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ злости, не разъ призывалъ къ порядку, грозилъ потребовать начальницу и подъ конецъ заявилъ:

— Я прекращаю занятія до тѣхъ поръ, пока это безобразіе не прекратится.

Гимназистки крѣпились отъ смѣха до красноты въ лицахъ, до слезъ, но записка изъ рукъ въ руки шла все дальше, вызывая среди напряженной тишины новыя фырканія. Эти фырканія прекратились, когда записка дошла до Вали: Валя мелькомъ взглянула на нее, строго, съ укоризной улыбнулась и сунула записку въ карманъ.

Лукашевичъ докончилъ урокъ, не зная, кому этимъ обязанъ. Помѣшала Валя насладиться гимназисткамъ и на урокѣ русскаго языка. Учитель былъ новый, молодой, довольно интересный, въ котораго было влюблено больше чѣмъ полкласса. Но это однако не помѣшало его поклонницамъ наслаждаться его смущеніемъ и робостью, когда съ заднихъ скамей какая-то юная шутница черезъ зеркало ловко наводила ему «зайчика» то на носъ, то на глаза. Учитель сконфуженно нагибалъ голову, старался близорукими глазами отыскать виновницу, мѣнялъ позы, но предательскій зайчикъ все-таки находилъ нужныя ему мѣста. И поэтому предметъ объяснялся вяло, безсвязно—и опять и этотъ учитель не зналъ, кому онъ обязанъ тѣмъ, что пытка не была доведена до конца урока.

Валя выискала виновницу и такъ посмотрѣла на нее, что та тотчасъ же прекратила свои эксперименты съ глазами и носомъ учителя.

Въ перемѣнѣ пришлось Валѣ выдержать за это баталію. На нее накинулся весь классъ съ упреками, что, какъ она «смѣла задержать записку», какъ «смѣла остановить зайчика», если это нравится всѣмъ и не нравится только ей одной и т. д. въ этомъ родѣ.

Валя спокойно выслушивала нападки, изрѣдка отвѣчая: «потому что это безобразіе!»—и зная, что скоро гнѣвъ смѣнится на милость. Дѣло въ томъ, что Валя кумиръ всего класса не только за то, что она прелестна, но и зато, что она умна, серьезна, внушаетъ чувства уваженія и симпатіи. Ей въ гимназіи и другого имени нѣтъ, какъ «Счастливица». Она «кумиръ», избалованный ласками, поцѣлуями и всяческими нѣжными признаніями гимназистокъ.

Конечно, нападки на Валю скоро прекращаются. Слишкомъ ужъ она прелестна со своей тонкой, едва распускающейся фигурой, пышными пепельными волосами на головѣ и печальнымъ вдумчивымъ личикомъ, нѣжнымъ, какъ лепестки розы.

На Валю нельзя долго сердиться—это общее мнѣніе всѣхъ гимназистокъ: ею можно только восхищаться и передавать ей пріятныя вещи. Окружили ее тѣснымъ кольцомъ и по почину

одной вострушки, крикнувшей: «Что жъ мы ее всегда превозносимъ? Давайте ее критиковать! Вѣдь не совершенство она: должны быть въ ней недостатки?»—стали Валю критиковать.

Критика внѣшности сошлась у всѣхъ на томъ: «Валя восхитительна, но очень блѣдна... недостаетъ одного: румянца». Насчетъ же внутреннихъ качествъ, у Вали не нашлось ни одного недостатка: она серьезна, умна, начитана, не любитъ болтать о глупостяхъ и вѣшаться на шею гимназистамъ! Не такъ, какъ другія! Такой еще во всей гимназіи нѣтъ!

Валя стоитъ, слушаетъ потокъ похвалъ и, чуть замѣтно, печально улыбается. Потомъ наперерывъ передаютъ, кто изъ гимназистовъ по ней «страдаетъ».

— Валя, а Шеболдаева знаешь—семиклассника? Онъ вздыхаетъ о тебѣ... Знаешь его?

Валя оживляется. На ея лицо набѣгаетъ немного злая, немного гордо-самоувѣренная улыбка, и со смѣхомъ она отвѣчаетъ:

— Что я могу о немъ знать? Могу сказать, что онъ похожъ на наивное дитя, но... однако это дитя сумѣло увлечь Поленьку Полетаеву!

— «Счастливица», а вотъ Соколовскій тоже къ тебѣ не равнодушенъ...

— А, Соколовскій, это, кажется, серьезный юноша...

«Серьезный»? И лица гимназистокъ вытягиваются: «О, это надо принять къ свѣдѣнію. Вѣдь, это сказала Валя!»

— Валя, а Петровичъ... представь себѣ, что онъ тоже бредитъ тобой. Онъ называетъ тебя «жемчужиной» и клянется, что непремѣнно добьется если не любви твоей, то хоть симпатіи! Слышишь, Валя?

— Петровичъ? Это тотъ—сынъ классной дамы?—Валя машетъ рукой и заливается отчаяннымъ хохотомъ:—Болванъ, какихъ рѣдко встрѣтишь! Пустосмѣшка, юла, противная кокетка... Желаетъ блеснуть умомъ, котораго у него нѣтъ... Шпіонъ... доносчикъ... клеветникъ...

Валя вспоминаетъ, сколько этому Петровичу надавала щелчковъ, и, задыхаясь отъ смѣха, съ трудомъ добавляетъ:

— Этотъ ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ мальчишка слишкомъ задираетъ носъ и... ха-ха-ха!—такъ часто позорно спотыкается... Нѣтъ, не говорите мнѣ объ этомъ ничтожествѣ.

— Валя, а вотъ Устиновскій... я его видѣла на-дняхъ, и онъ прямо, не стѣсняясь, говоритъ: «Она ко мнѣ холодна, поэтому я не живу, а тлѣю». Бѣдненькій, какъ мнѣ жаль его!

Валя съ сожалѣніемъ разводитъ руками и съ легкимъ холодкомъ заявляетъ:

— Правда, бѣдненькій, если «тлѣетъ». Да, да, онъ ничего себѣ, но только что жъ я могу сдѣлать, если онъ мнѣ не интересенъ?

Еще и еще говорятъ Валѣ, что для одного гимназиста она «идеалъ совершенный», для другого «земной рай».

Валя съ недоумѣніемъ поднимаетъ брови:

— Что значитъ «земной рай»? Какъ глупо!

Потомъ одна гимназистка проситъ защиты Вали: какой-то гимназистъ передалъ этой гимназисткѣ про кого-то нехорошую сплетню, а когда эта сплетня дошла, до кого слѣдуетъ, гимназистъ сталъ отпираться, что этого онъ не говорилъ, и заявилъ, что будетъ гимназисткѣ мстить.

Валя вспыхиваетъ отъ негодованія и такъ строго—вчужѣ за гимназиста ужъ страшно!—обѣщаетъ:

— А! На него это похоже. Хорошо, я ему непремѣнно скажу, что нечего винить людей, а надо было раньше вести себя получше. Пусть не думаетъ, что люди могутъ выдумывать небылицы!

Еще и еще передаютъ Валѣ, кто по ней «страдаетъ», кто съ ней жаждетъ познакомиться, но оживленіе Вали уже прошло, и она, задумавшись о чемъ-то своемъ—большомъ и печальномъ, слабо отмахивается рукой:

— Не надо. Довольно! Надоѣло!

Кромѣ этого, есть тутъ еще и то, что, съ одной стороны, Валѣ льститъ, а съ другой — огорчаетъ: какъ ни любятъ Валю гимназистки, но видитъ Валя, что такой ея всесокрушающій успѣхъ поднимаетъ въ гимназисткахъ невольную зависть. Валя знаетъ, что этотъ потокъ, если его не оборвать, добровольно не прекратится, и пускается на рѣшительное средство.

— Ахъ, какая я мучительница! — съ комическимъ ужасомъ восклицаетъ она:—Всѣхъ я заставляю страдать, любить, плакать, тлѣть и т. п. О, Боже! Кажется, во всей гимназіи нѣтъ такой идіотки, какъ я. Нѣтъ, пустите меня. Не могу и не хочу слушать!—и, заткнувъ уши, Валя силой прорывается сквозь кольцо окружавшихъ подругъ и бѣшено мчится по коридорамъ.

Слѣдующій урокъ—исторія. Валя сидитъ на урокѣ глубокососредоточенная, но... только не на исторіи. Валя безмѣрно рада, что гимназистки знаютъ о многихъ ея поклонникахъ, но вотъ о томъ, кто въ ея жизни самое главное—о томъ-то онѣ даже и не догадываются!

Передъ Валей встаетъ образъ шестиклассника съ фигурой такой смѣшной, длинной и неуклюжей, но съ такимъ чистымъ и

Инстит.

робкимъ, какъ у рѣдкой дѣвушки, лицомъ. За это лицо Валя его и любитъ. Припоминаетъ Валя всѣ прогулки съ нимъ за городъ, которыя отъ чужихъ глазъ обставляются необычайными предосторожностями, и, полузакрывая глаза,думаетъ: «Володя, милый Володя!»

Этотъ «милый Володя», впрочемъ, не мало доставляетъ ей огорченій, ибо никакъ не можетъ понять, зачѣмъ имъ нужно скрываться отъ всѣхъ. Вѣдь, ходитъ же она иногда съ тѣми, кто ей совсѣмъ не нравится, на виду у всѣхъ, а вотъ съ нимъ почему-то она должна прятаться? Это его обижаетъ и оскорбляетъ!

Милый, глупый Володя, онъ не понимаетъ, что вотъ именно то, что дѣйствительно дорого, то и нужно прятать отъ людей, а не выставлять на показъ!

Валя всегда строга и сдержанна, но зато она никогда не мѣшаетъ Володѣ говорить о ихъ будущемъ, которое свяжетъ ихъ «на вѣки», и долженъ же Володя понять, что если она молчитъ, то это ровно ничего не значитъ: молчаніе есть знакъ согласія. Правда еще и то, что этотъ робкій Володя иногда и забывается: то ему хочется «подъ руку взять», то... даже поцѣловать!

Но на этотъ счетъ у Вали ужъ неумолимо строго: нѣтъ ему никогда «ни руки», а тѣмъ паче поцѣлуя! Еще рано!..

Потомъ Валя припоминаетъ, какъ она ему на-дняхъ подарила на память... ладонку. Валя долго колеблется, можно ли назвать «ладонкой» нѣсколько словъ,—такихъ таинственныхъ, такихъ большихъ и важныхъ, все значеніе которыхъ понятно и извѣстно только ей, Валѣ, да Богу!—написанныхъ на пергаментѣ, который тщательно-тщательно зашитъ въ розовый шелкъ!

И, когда Валя, такъ и не рѣшивъ, можно ли назвать такую вещь «ладонкой», приходитъ къ заключенію, что не все ли равно, какъ назвать,—урокъ уже конченъ: Валя видитъ движенія на скамьяхъ, видитъ широкую, сутулую спину уходящаго учителя и тутъ только догадывается, что урокъ конченъ.

Зачѣмъ онъ такъ скоро конченъ? Валя съ сожалѣніемъ вздыхаетъ и тихо говоритъ своей сосѣдкѣ справа:

— Ахъ, какъ время летитъ... Молніеносно!

— Ты находишь?—и у сосѣдки презрительно кривятся губы.—А я нахожу, что это не урокъ, а жвачка. Прямо всю душу вымоталъ...

— Да? А я и не замѣтила. Я, по правдѣ сказать, изъ всего урока (Валя показываетъ маленькій кончикъ своего розоваго ноготка) вотъ ни на столечко не поняла!

И обѣ звонко, на весь классъ хохочутъ.

II.

Съ большимъ, почти враждебнымъ нетерпѣніемъ выслушали гимназистки, когда имъ классная наставница давала наставленія, какъ вести имъ себя на праздникахъ. Слава Богу, онѣ ужъ не какія-нибудь приготовишки, а пятиклассницы!

Когда одѣвались, было много толкотни, предпраздничной радости, всяческихъ добрыхъ пожеланій и нѣжныхъ прощальныхъ словъ.

Не радовалась одна только Валя. Съ болѣзненной чуткостью она улавливала, что сегодня на лицахъ гимназистокъ нѣтъ обычнаго выраженія, когда что-нибудь недоговорено: «Ну, завтра въ классѣ договоримъ». Для всѣхъ домашняя обстановка дороже и ближе гимназіи, и только для одной Вали гимназія мѣсто, гдѣ она можетъ немного забыться, отдохнуть... И то, что она гимназію не увидитъ теперь цѣлыхъ полмѣсяца — сжало сердце Вали до боли, слезы чуть не брызнули изъ ея глазъ. Но научившись сознавать, что никто ей не поможетъ въ ея горѣ, Валя научилась и владѣть собой: она прикусила чуть не до крови губы, выдавила па своемъ лицѣ подходящую ко времени улыбку, какъ и у всѣхъ. И только не могла сдѣлать такъ, чтобы большіе, умные сѣрые глаза не застыли съ тоской на вопросѣ: «За что ей такъ тяжело жить на свѣтѣ?»

Домой идетъ Валя въ сопровожденіи двухъ одноклассницъ, совсѣмъ не слушая ихъ болтовни о томъ, что даетъ же Богъ вотъ такое счастье инымъ, какъ Валѣ: и красива она, и умна, и серьезна очень, и учится она хорошо—безъ труда и безъ зубрежки, какъ другія, и любятъ ее всѣ безъ ума—и гимназисты, и гимназистки, и родители тѣхъ и другихъ, ставящіе ее, Валю, всѣмъ въ примѣръ.

Чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ больше сжимается сердце Вали отъ мучительныхъ предчувствій, что и предстоящій отдыхъ въ полмѣсяца будетъ не отдыхомъ, а мукой, а великій праздникъ будетъ днями нехорошихъ чувствъ, грубыхъ и дикихъ сценъ, брани и попрековъ и еще многаго такого, о чемъ Валя старается не думать, но не можетъ не думать. И, когда Валя переступаетъ порогъ своего дома,—ее охватываетъ такая зловѣщая тишина, по которой она сразу заключаетъ: «Ну, конечно, развѣ я когда-нибудь ошибусь. Теперь все пойдетъ, какъ по нотамъ!»

Раздѣвшись, Валя проходитъ въ столовую. Отецъ сидитъ за

столомъ, только, что вернувшись со службы, и, по тому, что онъ въ мундирѣ, и по тому, какъ онъ барабанитъ пальцами по столу, Валя чувствуетъ, что она не въ силахъ сказать отцу ни одного слова.

Молча и робко, какъ страшно здѣсь чужая, Валя присаживается на кончикъ стула. Молча подаетъ обѣдъ мать—и по тому, какъ раздраженно звенитъ о тарелку ложка отца, и какъ склонена надъ тарелкой голова матери, Валя знаетъ, что гроза разразится, если не сегодня, такъ завтра или послѣзавтра.

Обѣдъ тянется для Вали, какъ пытка, но у ней нѣтъ права сослаться на отсутствіе аппетита, на нездоровье: плохо ли, хорошо ли она ѣстъ—этого никто какъ будто бы не замѣтитъ, но она должна, какъ требуетъ того «хорошій тонъ», высидѣть обѣдъ до конца, пока не поднимутся изъ-за стола родители. Только тогда она, поблагодаривъ, можетъ итти въ свою комнату.

За третьимъ блюдомъ отецъ, несмотря на Валю внезапно, угрюмымъ тономъ спросилъ:

— Ну, что, какъ—распустили?

Валя не сразу поняла, къ кому относился этотъ вопросъ, а когда поняла, постаралась изобразить на своемъ лицѣ наивозможно болѣе ласковую улыбку и отвѣтила:

— Да, папочка.

Потомъ въ умѣ Вали мелькаетъ робкая, никогда не исполнявшаяся надежда, попытаться разогнать приближающійся мракъ. Она улыбается еще ласковѣе, но сказать она ничего иного не можетъ, кромѣ того, что жжетъ ея мозгъ и, кромѣ тѣхъ словъ, которыя вертятся у нея на языкѣ. Они и срываются помимо ея воли и сознанія.

— Да, папочка,—говоритъ она:—Какъ по нотамъ!

Отецъ не видитъ, какая бездна мольбы свѣтится въ глазахъ дочери, не чувствуетъ, какая огромная сила ласки звучитъ въ ея голосѣ, его раздраженное состояніе ловитъ только несообразность отвѣта и онъ уже зло замѣчаетъ:

— «Какъ по нотамъ». Что за выраженіе? Вѣдь скоро станешь шестиклассницей! Постыдись. И чему васъ тамъ только учатъ, если вы не можете разумнѣе отвѣтить?

Спохватившись, Валя хочетъ поправиться и лепечетъ:

— Но, папочка... можетъ-быть, я и не такъ выразилась—тогда прости! Но мнѣ такъ, папочка, казалось! Чего жъ... всегда, въ извѣстное время на извѣстные сроки отпускаютъ—вотъ я и сравнила, что тутъ тоже все «какъ по нотамъ».

— Плохо сравнила. Надо сравнивать поосмысленнѣе. И...— отецъ запнулся, видимо хотѣлъ сдержаться, но не сдержался:— не забывать, что отцы изъ-за дочерей тянутъ въ канцеляріяхъ очень не легкую лямку.

Валя видѣла, что мать хотѣла бы заступиться за нее, но, изъ боязни за себя, не рѣшается. И горечь за такую мать, и зависимость отъ отца, о которой онъ всегда такъ грубо намекаетъ, приводятъ Валю въ такое настроеніе, что ей хочется бѣжать, куда глаза глядятъ, или провалиться на мѣстѣ. Но провалиться нельзя, бѣжать некуда, и Валя ужъ плохо помнитъ, какъ досиживаетъ обѣдъ, какъ продѣлываетъ послѣ обѣда церемонію, когда «надо» цѣловать, съ чувствомъ жалости къ себѣ и презрѣнія, какъ къ побитой собакѣ, прежде руку грубаго и жесткаго отца, а потомъ руку трусливой, эгоистичной матери.

III.

Только очутившись въ своей комнатѣ, Валя приходитъ въ себя. Отъ того слабаго и нѣжнаго румянца, съ которымъ Валя отъ ходьбы и отъ весенняго воздуха явилась домой, уже нѣтъ и слѣда: ея личико безъ кровинки, какъ у тяжело больной. Въ комнаткѣ Вали чистенько, уютненько, на всемъ печать хорошаго вкуса и дѣвической чистоты—все это поддерживается заботами Вали уже по привычкѣ и по обязанности. Но уже не радуетъ, не замѣчается, какъ то было раньше, а наоборотъ, мучаетъ, отравляетъ, вѣчно напоминая, что все это не для нея сдѣлано, а на показъ. Валя глубоко понимаетъ всю ничтожность такого тщеславія, когда отецъ гордо говоритъ: «Пусть видятъ всѣ, что отецъ заботится о тебѣ не хуже другихъ!»... но никогда Валя не можетъ понять, какъ отецъ, взрослый человѣкъ, не чувствуетъ при этомъ, какъ онъ безсердеченъ и какъ противны его заботы, если онѣ только «для всѣхъ», а не для нея.

Валя знаетъ, что отецъ сейчасъ у себя въ кабинетѣ, мать—въ столовой или на кухнѣ, передвигаясь въ мягкихъ войлочныхъ туфляхъ беззвучно и пугливо. И знаетъ Валя, что чѣмъ длительнѣе будетъ эта тишина—тѣмъ бурнѣе она прорвется. Знаетъ, что будетъ крикъ, брань, злыя, ядовитыя слова, какъ у матери къ отцу, такъ и у отца къ матери; будетъ, можетъ-быть, драка, и тогда, чтобы утихомирить разбушевавшіяся страсти, Валя будетъ метаться между отцомъ и матерью, какъ безумная, вся въ слезахъ, не помня и не чувствуя всего того града оскорбленій, который посыплется на нее за то, что она вмѣшивается «не въ свое дѣло».

IV.

Въ восемь вечера къ Валѣ забѣжала за какой-то книжкой семиклассница Лида. Зажгли огонь. Лида оглядѣла комнатку и сразу перешла на обычную съ Валей тему:

— Ахъ, Валюся, какъ я тебѣ завидую: какая ты счастливая!

— Чѣмъ?—печально улыбаясь, спросила Валя.

— Всѣмъ, всѣмъ, за что ни возьмись! Ну, да ты сама знаешь—къ чему тебѣ все говорить? Вотъ даже и въ этомъ ты не какъ я: у тебя тишина. Ты можешь думать, заниматься, мечтать. А я ничего этого не могу. У насъ крикъ, шумъ, смѣхъ, возня—правда, иногда весело, но не всегда. Иногда это надоѣдаетъ и отвлекаетъ.

«Весело», «надоѣдаетъ»—повторяетъ Валя и хочется ей сказать Лидѣ, что у нихъ вотъ въ домѣ никогда не бываетъ не только весело, но что не перечислить ей всѣхъ своихъ мукъ, всѣхъ криковъ отчаянія и не передать всей скорби, терзающей ее, Валю.

Но видитъ Валя, что не пойметъ ее вполнѣ Лида, и, отвертываясь въ сторону, возбужденно говоритъ:

— Да, да, Лида, ты права. Я довольна, я счастлива,—живу беззаботно, какъ Божья птичка.

— Ну, вотъ видишь. Я такъ рада за тебя! — и Лида, цѣлуя Валю, шепчетъ ей на ухо, что и хотѣла бы она побыть съ Валей еще, но нельзя: надо спѣшить на свиданіе съ однимъ реалистомъ.

Валя и рада, что Лида ушла, и нѣтъ. О чемъ бы она стала съ ней говорить? О реалистѣ, когда ей совсѣмъ не до этого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Валѣ такъ жутко и страшно быть одной въ домѣ родителей, что она не знаетъ, что ей дѣлать. Не думать—она не можетъ; уйти — но уйти некуда. И невольно Валя думаетъ: «Все, какъ по нотамъ. Все будетъ, какъ по нотамъ»!

Сдержанный отецъ вдругъ прорвется и покажетъ себя во весь ростъ, какъ онъ холоденъ и безсердеченъ, какъ сухъ, мелоченъ, подозрителенъ и недовѣрчивъ. Онъ запьетъ и будетъ корить, что есть «несчастные чинуши» во сто кратъ хуже его, но однако по службѣ выше его, но онъ все терпитъ ради жены и дочери. Его всюду обходятъ, ему всѣ строятъ козни, но онъ все долженъ переносить, ибо у него жена и дочь. Но если бы у него жены и дочери не было, о, тогда бы онъ зналъ, что дѣлать: онъ плюнулъ бы на эту контрольную палату и по-

шелъ бы искать себѣ службу въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы его оцѣнили иначе. Но здѣсь его не цѣнятъ, какъ не цѣнятъ и не понимаютъ его жена и дочь. Вотъ, если бы его цѣнили хотя бы дома, какъ слѣдуетъ, тогда и онъ былъ бы не таковъ.

Валя долго думаетъ, что, можетъ быть, отца и въ самомъ дѣлѣ дома не доцѣниваютъ и не понимаютъ, но приходитъ все къ одному и тому же заключенію, что онъ всегда желченъ и недобръ и что точитъ его ко всѣмъ и ко всему червь зависти.

Передъ Валей встаетъ мать: тоже сухая, себялюбивая, всегда требовательная по отношенію къ Валѣ, но трусливая передъ мужемъ.

Валя знаетъ, что мать покрѣпится, когда отецъ запьетъ, дня два, а потомъ тоже запьетъ, и вотъ тогда начнется настоящій адъ...

Многое припоминается Валѣ, но все замыкается въ страшный заколдованный кругъ, изъ котораго ей нѣтъ выхода.

Валя припоминаетъ, что гдѣ-то она вычитала у Карамзина, что семью можно назвать «маленькимъ свѣтомъ». О, какъ она, Валя, это понимаетъ! Ни о комъ и ни о чемъ она не хотѣла бы думать, кромѣ родителей, кромѣ семьи, кромѣ этого «маленькаго свѣта», гдѣ она, Валя, живетъ, растетъ, развивается, куда обращены всѣ ея чувства и помыслы, но гдѣ ей нѣтъ покоя, нѣтъ счастья, нѣтъ ласки!

Но гдѣ же хоть немножко покоя, ласки, счастья? Ахъ, да, вотъ Володя... Милый Володя! Вѣдь она никогда ему не писала. Она даже въ альбомъ отказывалась ему написать хоть бы одну строчку. И какъ онъ будетъ теперь радъ, когда она ему, какъ самому преданному другу, повѣдаетъ все... все!

Валя подходитъ къ столу, присаживается, беретъ листъ бумаги и быстро-быстро пишетъ: «Милый, дорогой Володя! Если бы ты зналъ все, что я переживаю, если бы ты только зналъ! Нѣтъ, всего тебѣ, дорогой Володя, не передашь. Все — это слишкомъ много. Я съ тобой подѣлюсь хоть частицей. Но съ чего начать? Погоди, дай собраться съ мыслями»...

Валя задумывается. И вдругъ у ней мелькаетъ мысль, отъ которой ей еще холоднѣе и безпріютнѣе: «Да пойметъ ли этотъ глупый Володя? Не она ли заводила съ нимъ объ этомъ не разъ рѣчь издалека и всегда обрывала,—потому что Володѣ отъ такихъ рѣчей становится скучно, онъ зѣваетъ, и для того, чтобы ему оживиться, ему нужно взять ее подъ руку, или вымолить поцѣлуй. Нѣтъ, онъ не пойметъ! Онъ—глупый, глупый мальчишка»!

Валя не чувствуетъ, какъ слезы вдругъ брызнули у ней изъ

БИБЛИОТЕКА Инстит. ... Прессы

глазъ и полились на еще невысохшія чернила. Ей уже не хочется думать о Володѣ; ей представляется, что если и на самомъ дѣлѣ осуществится ея союзъ съ Володей, какъ Володя говоритъ, «на вѣки», то не окажется ли этотъ, такой тихій и робкій, Володя впослѣдствіи такимъ же, какъ и отецъ?

И отъ такого предположенія Валѣ такъ страшно-страшенъ Володя, страшенъ, ненавистенъ и противенъ такъ, что хочется его забыть; страшна Валя сама себѣ—страшна своими думами, чувствами, отъ которыхъ ей не забыться и отъ которыхъ нѣтъ ей ни отъ кого ни защиты, ни сочувствія.

А защита и сочувствіе нужны — иначе Валя чувствуетъ, что она сойдетъ съ ума.

Но отъ кого же? Гдѣ же?

Блуждающими глазами Валя обводитъ комнату и сквозь слезы, какъ сквозь туманъ, видитъ въ углу икону Распятаго и, сама не зная какъ, сползаетъ на полъ и, ставъ на колѣни, шепчетъ: «Господи! Господи, вотъ Ты велѣлъ переносить всѣ скорби. Но какъ? Научи, помоги, просвѣти».

Затѣмъ Валя припоминаетъ, что ее, вотъ такую горькую, называютъ «счастливицей», ей завидуютъ. И Валѣ становится еще горьше, слезы текутъ еще быстрѣе, и шопотомъ она жалуется Распятому: «Я «счастливица»! Кто же меня можетъ назвать счастливой?»

Потомъ уже Валя молится безъ словъ, молча: изступленными отъ боли и вѣры глазами она говоритъ съ Богомъ, передавая Ему всѣ свои мысли и чувства и прося помочь, просвѣтить...

Валя молится, а на столѣ лежитъ листъ бумаги, на которомъ всѣ впервые написанныя слова къ «милому и дорогому Володѣ» расплылись отъ слезъ въ грязныя пятна.

М. Сивачевъ.